

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
20 December 2019
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 826/2017* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Исметом Бакаем (представлен адвокатом, Эль-Кбиром Лемсегемом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата представления жалобы:</i>	30 мая 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 8 июня 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	4 декабря 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	экстрадиция в Турцию
<i>Процедурный(ые) вопрос(ы):</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; неприемлемость по причине необоснованности
<i>Вопрос(ы) существа:</i>	угроза применения пыток по политическим мотивам в случае выдачи (принцип невыдворения)
<i>Статья (статьи) Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителем является Исмет Бакай, гражданин Турции, родившийся 5 апреля 1984 года. В отношении него было принято решение о его выдаче Турции, но он считает, что, выслав его, Марокко нарушит статью 3 Конвенции. Марокко ратифицировало Конвенцию 21 июня 1993 года и 19 октября 2006 года сделало

* Принято Комитетом на его шестьдесят восьмой сессии (11 ноября – 6 декабря 2019 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Фелис Гаер, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15, правил процедуры Комитета, а также пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебских руководящих принципов) Эссадия Бельмир в рассмотрении настоящего сообщения не участвовала.

заявление, предусмотренное пунктом 1 статьи 22 Конвенции. Заявитель представлен адвокатом Эль-Кбиром Лемсегемом.

1.2 8 июня 2017 года, действуя согласно пункту 1 правила 114 своих правил процедуры, Комитет через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам просил государство-участник воздержаться от высылки заявителя в Турцию, пока его жалоба рассматривается Комитетом.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель работал школьным учителем в Турции с 2010 года. Поскольку несколько его коллег-учителей были произвольно арестованы, в марте 2016 года он решил покинуть Турцию вместе со своей женой и несовершеннолетним сыном¹. Они поселились в Касабланке (Марокко), где заявитель начал предпринимательскую деятельность. 31 августа 2016 года он зарегистрировал компанию в Коммерческом реестре.

2.2 27 июля 2016 года в Турции было начато в отношении заявителя расследование, возбужденное генеральным прокурором города Балыкеси́ра в связи с членством в террористической организации² и финансированием терроризма.

2.3 21 февраля 2017 года власти Турции обратились к властям Марокко с просьбой выдать заявителя. 28 марта 2017 года заявитель был задержан в Касабланке и доставлен в прокуратуру уголовного суда Касабланки, которая распорядилась о его заключении под стражу для последующей выдачи и помещении в тюрьму Сале до начала процедуры выдачи в Кассационном суде.

2.4 В ходе слушания, состоявшегося 3 мая 2017 года в Кассационном суде Марокко, заявитель, помощь которому оказывали его адвокаты, отверг утверждения турецкого суда, указав, что они по-прежнему не обоснованы и опираются лишь на два подробных и противоречивых показания. Заявитель отметил, что турецкие власти не осуществляли в его отношении никакого наблюдения, заслушания или задержания с 2004 года³. Он также указал на политический характер запроса о выдаче, связав произошедшее с тем, что он является правозащитником, взгляды которого противоречат позиции турецких властей, а также тем, что правительство Турции по политическим соображениям причисляет движение «Хизмет» к террористическим группам. Он также отметил, что в Турции ему будет угрожать опасность ввиду того, как в стране обстоят дела с соблюдением прав человека, в частности после попытки государственного переворота, которая была предпринята 15 июля 2016 года и повлекла за собой волну арестов, судебных процессов и обвинительных приговоров.

2.5 В ходе слушания, состоявшегося 10 мая 2017 года, заявитель представил справку от 8 мая 2017 года о своем ходатайстве о предоставлении убежища, с которым он обратился в отделение Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев в Рабате⁴, сославшись на свое право на международную защиту, и в частности на невыдворение, в соответствии со статьями 31, 32 и 33 Конвенции о статусе беженцев и статьей 29 Закона № 02-03 от 11 ноября 2003 года о въезде и проживании иностранцев в Королевстве Марокко, незаконной эмиграции и иммиграции.

2.6 10 мая 2017 года Кассационный суд Марокко вынес заключение, в котором поддержал выдачу заявителя Турции.

¹ Родился 20 июня 2013 года.

² «Хизмет» – консервативное исламистское движение, состоящее, в частности, из школ.

³ У него нет судимостей.

⁴ 20 сентября 2017 года Государственный секретариат по вопросам миграции Швейцарии проинформировал супругу заявителя о предоставлении убежища в Швейцарии ей самой и ее ребенку.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что в случае его выдачи Турции он рискует подвергнуться пыткам со стороны турецких властей в нарушение его прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции.

3.2 После попытки государственного переворота, предпринятой 15 июля 2016 года, Турция ввела 20 июля 2016 года чрезвычайное положение на территории страны. С тех пор магистраты, журналисты, адвокаты и представители научного сообщества становятся жертвами «произвольных репрессий и подавления основных свобод»⁵. Нынешняя политическая обстановка в Турции, сложившаяся после попытки государственного переворота, не позволяет гарантировать соблюдение процессуальных норм правового государства и осуществление выдачи в соответствии с международными нормами. 21 июля 2016 года Турция объявила о своем намерении отступить от Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции по правам человека) на основании ее статьи 15. Парламентская ассамблея Совета Европы в резолюции от 25 апреля 2017 года выразила серьезную обеспокоенность по поводу положения в области прав человека в Турции и отметила, что «через восемь месяцев после попытки государственного переворота положение ухудшилось и принимаемые меры далеко выходят за рамки того, что является необходимым и соразмерным»⁶. Парламентская ассамблея подчеркнула также, что в администрации проводятся широкомасштабные чистки⁷, что очень многие лица оказываются под арестом и помещаются в предварительное заключение⁸, что многие должностные лица были уволены и что принимаемые в их отношении меры, такие как аннулирование паспортов, пожизненный запрет на занятие должностей в государственных органах власти или отмена доступа к системе социального обеспечения, представляют собой «гражданскую смерть» этих лиц⁹. По мнению Парламентской ассамблеи, в Турции не обеспечивается соблюдение основных прав человека¹⁰. С учетом всех этих обстоятельств заявителю будет угрожать личная опасность подвергнуться пыткам в том случае, если он вернется на родину¹¹.

3.3 Кроме того, Верховный суд Греции отказал в выдаче Турции восьмерых турецких офицеров на том основании, что греческое правосудие не могло с чистой совестью распорядиться об их выдаче стране, над которой, по мнению суда, нависла угроза восстановления смертной казни, в которой, согласно имеющимся доказательствам, с политическими диссидентами обращаются унижающим достоинство и бесчеловечным образом и где, наконец, нет, строго говоря, справедливого судебного процесса.

3.4 Таким образом, заявителю угрожает существующая, предсказуемая, реальная, личная опасность подвергнуться пыткам в том случае, если он будет выдан Турции.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 7 августа 2017 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения. Оно уточняет, что марокканские власти получили от турецких властей – официально, по дипломатическим каналам – просьбу выдать заявителя в Турцию на основании положений Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче,

⁵ Avocats européens démocrates et Magistrats européens pour la démocratie et les libertés, «Le glas de la démocratie ne cesse de sonner en Turquie», communiqué de presse conjoint, 25 mars 2017.

⁶ Conseil de l'Europe, Assemblée parlementaire, *Le fonctionnement des institutions démocratiques en Turquie* [résolution 2156 (2017)], par. 7.

⁷ Ibid., par. 14.

⁸ Ibid., par. 16.

⁹ Ibid., par. 17.

¹⁰ Ibid., par. 20.

¹¹ Заявитель утверждает, что один человек подвергся пыткам со стороны толпы, ожидавшей его у дверей самолета, на котором он был доставлен в Турцию из выдавшего его Северного Кипра; это происходило на глазах у сотрудников полиции на взлетно-посадочной полосе, являющейся особо охраняемой зоной, но человеку повезло – ему удалось избежать линчевания.

заключенной между Королевством Марокко и Турецкой Республикой 15 мая 1989 года. 10 мая 2017 года Кассационный суд вынес решение, в котором поддержал удовлетворение просьбы о выдаче, постановив, что запрос турецких властей не только сопровождался международным ордером на арест, но и соответствовал требованиям к форме и существу, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Марокко и Конвенцией о взаимной правовой помощи. В суде заявитель пользовался всеми своими правами, гарантированными общепризнанными принципами и правилами справедливого судебного разбирательства.

4.2 Даже если решение Кассационного суда не может быть обжаловано в обычном порядке, оно, тем не менее, может быть обжаловано с целью пересмотра в соответствии со статьями 563 и 564 Уголовно-процессуального кодекса¹². Таким образом, заявитель не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты.

4.3 Что же касается утверждения о том, что запрос о выдаче носит политический характер, то Кассационный суд пришел к выводу, что действия, вменяемые заявителю в Турции, являются уголовно наказуемыми деяниями и по уголовному законодательству Марокко, поскольку они связаны с созданием террористической организации и управлением ею, а также с отмыванием денег. Такие действия не могут считаться политическими по своему характеру или связанными с политическими преступлениями, не могут рассматриваться как нарушение воинского долга и не могут также быть объяснены мотивами или соображениями, связанными с религией, расой, национальностью или политическими взглядами. Кроме того, уголовное законодательство Марокко по-прежнему соответствует положениям Конвенции и предусматривает не только пресечение пыток и борьбу с ними, но и строгое и бескомпромиссное осуждение любого акта пытки и любого другого деяния, аналогичного или связанного с ним.

4.4 8 декабря 2017 года государство-участник представило замечания относительно существа сообщения. Сначала оно подробно излагает процедуру ареста заявителя на своей территории, который был произведен после того, как оно получило от турецких властей запрос на его выдачу. Арест был произведен в соответствии со статьей 29 действующей между этими двумя странами Конвенции о взаимной правовой помощи.

4.5 Далее государство-участник описывает разбирательство в Кассационном суде, который постановил, что деяния, вменяемые заявителю в его стране происхождения – преступления террористического характера, – представляют собой общеправовые преступления, являются наказуемыми также в соответствии с Уголовным кодексом Марокко и не могут рассматриваться ни как сугубо политические, ни как связанные с политическим преступлением. В ходе судебного разбирательства заявителю были предоставлены все гарантии справедливого судебного разбирательства, включая доступ к адвокату. Государство-участник последовательно отклоняет запросы о выдаче в тех случаях, когда выполнены условия, предусмотренные статьей 721 Уголовно-процессуального кодекса¹³. Национальное законодательство содержит все

¹² Согласно статье 563 решения Кассационного суда могут быть обжалованы с целью пересмотра в следующих случаях: а) если решение было вынесено на основании документов, объявленных или признанных поддельными; б) в целях исправления судебного решения, являющегося недействительным вследствие явной фактической ошибки, которая может быть исправлена с помощью элементов, содержащихся в самом решении; в) в случае непринятия решения по ходатайству, представленному в качестве доказательства, или в случае отсутствия обоснования решения; и d) если решение о неприемлемости или отказе в чем-то было принято на основаниях, считавшихся достоверными, но оказавшихся ложными после представления новых документов, в равной степени подлинных.

¹³ Статья 721 предусматривает, в частности, что выдача не производится, если преступление, в отношении которого поступил запрос о выдаче, рассматривается марокканским государством как политическое преступление или как деяние, связанное с политическим преступлением. Это правило применяется, в частности, в том случае, если у марокканского государства имеются серьезные основания полагать, что запрос о выдаче, мотивированный совершением соответствующим лицом общеуголовного преступления, на самом деле был сделан с целью судебного преследования или наказания этого лица по причине его расы, религии, гражданства

положения, необходимые для осуществления принципов Конвенции. Заявитель не подвергался пыткам или жестокому обращению на территории государства-участника.

4.6 В качестве суда по делам о выдаче Кассационный суд не уполномочен выносить решения относительно весомости доказательств, содержащихся в запросе о выдаче. Суд счел, что запрос о выдаче не носил политического характера, поскольку заявитель был вовлечен в террористическую деятельность и финансирование терроризма. Выдача и возвращение по сути представляют собой две совершенно разные правовые процедуры.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника

5.1 29 декабря 2017 года заявитель указал на то, что обжалование с целью пересмотра, о котором говорит государство-участник, является, как указано в Уголовно-процессуальном кодексе, исключительным средством правовой защиты. Это не обычная апелляция на решение суда первой инстанции или апелляционного суда, а скорее исключительная апелляция на решение самого Кассационного суда. Таким образом, обжалование с целью пересмотра направляется не в вышестоящий суд, а в тот же Кассационный суд.

5.2 К тому же в данном конкретном случае обжалование с целью пересмотра неэффективно и бесполезно. Во-первых, потому, что заявитель не располагает новыми сведениями, которые могли бы сыграть решающую роль при рассмотрении его апелляции тем же судом, который вынес решение в пользу его выдачи. Во-вторых, следует отметить, что в прошлом в аналогичных случаях обжалование с целью пересмотра оказывалось неэффективным¹⁴. И наконец, обжалование с целью пересмотра не имеет приостанавливающего действия. Следовательно, от заявителя не следует требовать подачи такой апелляции и ожидания решения по ней в условиях, когда он в любой момент может быть выдан и ему может быть нанесен непоправимый вред.

5.3 В заключение заявитель обращает внимание на то, что в случае отказа в удовлетворении апелляции с целью пересмотра он должен будет выплатить существенную сумму, эквивалентную 100 евро. Если учесть финансовое положение заявителя, а также то, что он находится в тюрьме под стражей в ожидании выдачи и у него нет родственников в Марокко, требуемый залог представляет собой слишком большую, неподъемную для него сумму.

5.4 В своих комментариях от 26 мая 2018 года заявитель разъясняет цель своей жалобы, а именно то, что она касается не процедуры ареста на территории государства-участника или условий оказания взаимной правовой помощи, имеющих обязательную силу для Марокко и Турции, а судебного заключения, вынесенного Кассационным судом, и последующих процессуальных актов, касающихся выдачи. Государство-участник уклонилось от своих обязательств по статье 3 Конвенции.

5.5 Кассационный суд не применил статью 721 Уголовно-процессуального кодекса. Суд не смог установить политический характер запроса о выдаче заявителя, несмотря на то, что в представленном Турцией деле о выдаче имелось явное расхождение между необоснованными доказательствами – фактическими заявлениями, не сопровождавшимися материальными доказательствами, законными финансовыми операциями, личными заметками и перепиской между заявителем и его знакомыми-предпринимателями – и серьезными обвинениями в терроризме и финансировании терроризма. Одно только это определенное и значительное расхождение должно было бы побудить государство-участник более тщательно расследовать утверждения заявителя и испытать серьезные сомнения в отношении скрытого характера просьбы

или политических убеждений, или что положение запрашиваемого лица может ухудшиться по любой из этих причин.

¹⁴ Заявитель ссылается на дело *Аль-Хадж Али против Марокко* (CAT/C/58/D/682/2015), в рамках которого заявитель безуспешно обжаловал с целью пересмотра решение Кассационного суда.

об экстрадиции. Оценка такого расхождения соответствует духу статьи 721 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 3 Конвенции.

5.6 Хотя Кассационный суд и не уполномочен оценивать весомость доказательств, содержащихся в запросе о выдаче с точки зрения права, в соответствии с положениями статьи 721 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 3 Конвенции он, тем не менее, имеет все необходимые полномочия и компетенцию для их оценки с учетом других материалов дела. Кассационный суд имеет право ставить под сомнение причины, по которым был направлен запрос о выдаче заявителя, и принимать реальные и конкретные меры для принятия решения с учетом всех фактов.

5.7 Государство-участник не уточняет, каким образом оно пришло к выводу о том, что заявитель был причастен к деяниям, вменяемым ему Турцией, если, как оно утверждает, Кассационный суд не может рассматривать по существу дело, связанное с выдачей. Как следует из показаний знакомого заявителя, он умеренно религиозен и имеет очень мало общего с тем, как правительство его страны пытается его изобразить.

5.8 Заявитель отмечает, что закрепленный в статье 3 Конвенции принцип невозвращения применим как к высылке, так и к выдаче.

5.9 И наконец, заявитель ссылается на пункт 6 замечания общего порядка № 1 (1997) Комитета об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22 Конвенции¹⁵ в качестве подтверждения того факта, что Комитет толкует статью 3 Конвенции как положение, налагающее на государство-участник обязательство оценивать, имеются ли серьезные основания полагать, что в случае высылки, возвращения или выдачи заявителю будет угрожать применение пыток. Все правовые средства для оценки этой опасности применения пыток являются законными, и вопрос об их использовании должен быть в обязательном порядке рассмотрен, что, в частности, предполагает анализ общей ситуации в области прав человека в Турции. Продление чрезвычайного положения в этой стране привело к серьезным нарушениям прав человека, включая пытки, которые Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) осудило в докладе, опубликованном им 20 марта 2018 года¹⁶. В докладе за 2017 год уже сообщалось о случаях применения пыток, произвольного задержания, а также произвольного лишения прав на труд, свободу передвижения, свободное выражение мнений и свободу ассоциации¹⁷. Заявитель отмечает также, что власти Германии выступали с критикой того, что Турция начала злоупотреблять Интерполом после событий 2016 года, когда в стране была предпринята попытка государственного переворота. Он считает, что Национальному центральному бюро Интерпола следовало более тщательно изучить вынесенное в отношении заявителя заключение и не предпринимать в связи с ним никаких последующих действий в соответствии со статьями 2 и 3 Устава Интерпола¹⁸.

5.10 Заявитель просит освободить его и предоставить ему международную защиту на территории государства-участника или в безопасной третьей стране.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли оно приемлемым в соответствии со

¹⁵ Это замечание общего порядка было заменено 6 декабря 2017 года на замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22.

¹⁶ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 года, пункты 7, 77, 81 и 83.

¹⁷ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the human rights situation in South-East Turkey: July 2015 to December 2016* (Доклад о положении в области прав человека в юго-восточной Турции: июль 2015 года – декабрь 2016 года), февраль 2017 года.

¹⁸ Интерпол, *Устав МОУП-Интерпола*, I/CONS/GA/1956 (2017).

статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если он не убедится, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Он отмечает, что государство-участник оспаривает тот факт, что заявитель исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, заявляя, что он мог прибегнуть к обжалованию с целью пересмотра. Он принимает к сведению также не оспариваемый государством-участником аргумент заявителя относительно чрезвычайного характера этого средства правовой защиты, которое не имеет приостанавливающего действия и, следовательно, не гарантирует эффективной защиты. Комитет обращает внимание на то, что в соответствии со статьей 563 Уголовно-процессуального кодекса Марокко это средство правовой защиты позволяет, в частности, обжаловать с целью пересмотра решения Кассационного суда в следующих случаях: а) если решение было вынесено на основании документов, признанных поддельными; б) в целях исправления судебного решения, являющегося недействительным вследствие явных фактических ошибок; в) в случае отсутствия обоснования принятого судом решения; и д) если решение было принято на основаниях, считавшихся достоверными, но оказавшихся ложными. Комитет также отмечает, что в данном случае заявителю угрожает опасность подвергнуться пыткам со стороны турецких властей в случае его экстрадиции в Турцию. Поэтому он считает, что с учетом прямых требований статьи 563 Уголовно-процессуального кодекса утверждение заявителя о том, что ему угрожает опасность подвергнуться пыткам, как представляется, не подлежит обжалованию с целью пересмотра. Государство-участник не заявляло и не продемонстрировало обратного. Кроме того, Комитет напоминает, что для того, чтобы это средство было эффективным, оно должно вести к внимательному и тщательному рассмотрению жалоб заявителя и быть особенно оперативным¹⁹. Во-вторых, приостанавливающее действие средства правовой защиты является одной из основных процедурных гарантий в рамках процедуры высылки, поскольку оно направлено на предотвращение возможных нарушений принципа невыдворения и на обеспечение тем самым применения в полной мере статьи 3 Конвенции²⁰.

6.3 Комитет ссылается на свои прошлые решения и напоминает, что в данном случае в соответствии с принципом исчерпания внутренних средств правовой защиты заявитель должен был использовать только те средства правовой защиты, которые были напрямую связаны с опасностью подвергнуться пыткам в Турции²¹. Комитет отмечает, что государство-участник не уточнило, каким образом обжалование с целью пересмотра решения Кассационного суда от 10 мая 2017 года может повлиять на выдачу заявителя Турции, поскольку в представлении государства-участника не было указано, имеет ли такая апелляция приостанавливающее действие. Комитет отмечает также, что государство-участник не опровергло утверждений заявителя о том, что такая апелляция с целью пересмотра решения суда не имеет приостанавливающего действия. Кроме того, государство-участник не уточнило, можно ли сослаться на утверждение заявителя в рамках процедуры обжалования с целью пересмотра. Комитет напоминает, что в ряде дел, доведенных до его сведения, глава правительства подписал распоряжение о выдаче еще до того, как Кассационный суд вынес решение по ходатайству о пересмотре²², тем самым подтвердив, что, по его мнению, решение Кассационного суда является окончательным и приобрело силу судебного постановления. Принимая во внимание тот факт, что в марокканском законодательстве

¹⁹ Cour européenne des droits de l'homme, *M.S.S. c. Belgique et Grèce*, requête no 30696/09, arrêt du 21 janvier 2011, par. 293.

²⁰ Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункты 13, 18 е) и 34.

²¹ *Гарсаллах против Марокко* (CAT/C/64/D/810/2017), пункт 7.4; и *Калиниченко против Марокко* (CAT/C/47/D/428/2010), пункт 14.3. См. также замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 34.

²² *Р.А.И. против Марокко* (CAT/C/52/D/525/2012), пункты 6.3 и 6.4.

нет положения, которое закрепляло бы приостанавливающее действие апелляции и эффективную возможность сослаться на жалобу заявителя во время такой апелляции, а также то, что государство-участник не привело никаких примеров обжалования с целью пересмотра или конкретных примеров из судебной практики, которые подтвердили бы, что апелляция с целью пересмотра обладает приостанавливающим действием и оперативна²³, Комитет не может заключить, что тот факт, что заявитель не подал ходатайство о пересмотре решения, не позволяет ему представить свою жалобу в Комитет²⁴. Поэтому, поскольку обжалование с целью пересмотра не позволяет заявителю сослаться на фактическое нарушение того или иного права и учитывая его исключительный характер, не имеющий приостанавливающего действия, Комитет приходит к выводу о том, что это средство правовой защиты не является эффективным и тем более полезным. С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что пункт 5 b) статьи 22 Конвенции не препятствует объявлению данного сообщения приемлемым.

6.4 Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость данного сообщения по причине необоснованности, поскольку заявитель утверждает, что направленный Турцией запрос о выдаче носил политический характер. Вместе с тем Комитет принимает к сведению аргумент заявителя относительно того, что в случае экстрадиции ему угрожает опасность как лицу, связанному с движением «Хизмет», которое правительство Турции относит его к числу террористических групп. Таким образом, Комитет считает, что заявитель достаточно обосновал свою жалобу для целей приемлемости.

6.5 Комитет приходит к выводу, что сообщение является приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции в том, что касается предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции, и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

7.2 В данном случае Комитету необходимо решить, стала бы высылка заявителя в Турцию нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать и не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Комитет прежде всего напоминает, что запрещение пыток носит абсолютный характер и не допускает отступлений и что никакие исключительные обстоятельства не могут приводиться государством-участником в оправдание пыток²⁵. Абсолютный характер также носит закрепленный в статье 3 Конвенции принцип невыдворения лиц в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там им может угрожать применение пыток²⁶.

7.3 В связи с необходимостью определения того, существуют ли серьезные основания полагать, что предполагаемой жертве будет угрожать опасность применения пыток, Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции государства-участники должны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако в данном случае Комитет должен определить, угрожает ли заявителю личная опасность подвергнуться пыткам в случае выдачи Турции. Из этого следует, что наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы прийти к выводу, что при возвращении в эту страну заявителю будет угрожать применение пыток; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что

²³ Там же, пункт 6.3.

²⁴ *Эрдоган против Марокко* (CAT/C/66/D/827/2017), пункт 8.3.

²⁵ Замечание общего порядка № 2 (2007) Комитета об осуществлении статьи 2 государствами-участниками, пункт 5.

²⁶ Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 9.

такая опасность будет угрожать лично данному лицу²⁷. В свою очередь, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека также не означает того, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела²⁸.

7.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, согласно которому обязательство о невыдворении существует во всех случаях, когда имеются «серьезные основания» полагать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, депортация в которое его ожидает, либо в качестве отдельного лица, либо в группе, которая может подвергнуться опасности применения пыток в государстве назначения, а также на свои прошлые решения, согласно которым «серьезные основания» существуют всякий раз, когда опасность пыток является «предсказуемой, личной, существующей и реальной»²⁹. Он напоминает также, что бремя доказывания возлагается на заявителя, который должен представить аргументированное изложение дела, т. е. убедительные доводы в подтверждение того, что опасность подвергнуться пыткам является для него предсказуемой, личной, существующей и реальной. Однако в том случае, если заявитель находится в ситуации, когда он не может представить более подробную информацию по своему делу, бремя доказывания возлагается на противоположную сторону и расследовать утверждения и проверять информацию, которые лежат в основе сообщения, надлежит соответствующему государству-участнику³⁰. Комитет в значительной степени опирается на выводы по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника; в то же время он не считает себя связанным такими заключениями и свободно оценивает имеющуюся в его распоряжении информацию в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу³¹.

7.5 В данном случае Комитет принимает к сведению аргумент заявителя о том, что в случае его выдачи Турции ему будет угрожать серьезная опасность подвергнуться пыткам из-за его предполагаемой принадлежности к движению «Хизмет». В этой связи Комитет отмечает, что в отношении заявителя проводится расследование на предмет выяснения его принадлежности к этому движению, а также то, что, согласно сообщениям, фигурирующим в материалах дела, подобные заявителю лица часто становятся жертвами пыток и жестокого обращения во время содержания под стражей. Комитет принимает к сведению также аргумент заявителя о том, что Кассационный суд не выполнил требования статьи 721 Уголовно-процессуального кодекса и не убедился в том, что запрос о его выдаче носил политический характер. Комитет отмечает также, что, согласно государству-участнику, уголовное законодательство Марокко по-прежнему соответствует положениям Конвенции, поскольку предусматривает, что никакое лицо не может быть выдано другому государству, если там ему угрожает преследование по причине его расовой или религиозной принадлежности, политических убеждений или личных обстоятельств или если ему может угрожать опасность в связи с любой из этих причин.

7.6 Комитет должен принять во внимание нынешнюю ситуацию в области прав человека в Турции, включая то, как на нее повлияло чрезвычайное положение (оно было отменено в июле 2018 года, но срок действия предусмотренных им ограничительных мер были продлен путем принятия ряда законодательных мер). Он отмечает, что многократное продление в Турции чрезвычайного положения привело к серьезным нарушениям прав человека сотен тысяч людей, включая произвольное лишение права на труд и свободу передвижения, пытки и жестокое обращение, произвольные задержания и нарушение права на свободу ассоциации и

²⁷ *Аль-Хадж Али против Марокко*, пункт 8.3; *Р.А.И. против Марокко*, пункт 7.2; и *Л.М. против Канады* (CAT/C/63/D/488/2012), пункт 11.3.

²⁸ *Калиниченко против Марокко*, пункт 15.3.

²⁹ Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 11.

³⁰ Там же, пункт 38.

³¹ Там же, пункт 50.

выражения мнений³². В этой связи Комитет ссылается на свои заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Турции (CAT/C/TUR/CO/4), в пункте 9 которых он с обеспокоенностью отметил значительное расхождение между большим количеством жалоб на применение пыток со стороны неправительственных организаций и данными, представленными государством-участником в своем периодическом докладе (см. пункты 273–276 и приложения 1 и 2), в связи с чем возникло предположение, что в отчетный период не по всем сообщениям о применении пыток были проведены расследования. В пункте 19 этих заключительных замечаний Комитет выразил обеспокоенность по поводу недавнего внесения в Уголовно-процессуальный кодекс поправок, которые предоставили полиции более широкие полномочия для заключения под стражу лиц без соответствующего судебного надзора. В пункте 33 Комитет с сожалением констатировал отсутствие полной информации о случаях суицида и других случаях внезапной смерти, произошедших в местах лишения свободы за отчетный период.

7.7 Комитет принимает к сведению, что, по словам заявителя, в результате ввода Турцией 20 июля 2016 года чрезвычайного положения увеличился риск применения пыток к лицам, обвиняемым в принадлежности к террористической группе, во время их содержания под стражей. Комитет признает, что упомянутые заключительные замечания были приняты до даты введения чрезвычайного положения. Вместе с тем он напоминает, что после того, как в июле 2016 года в Турции была предпринята попытка государственного переворота, он выразил обеспокоенность по поводу сложившейся ситуации в письме о последующих мерах, направленном государству-участнику 31 августа 2016 года³³, а также то, что опубликованные после ввода чрезвычайного положения доклады о ситуации в области прав человека и предупреждения пыток в Турции свидетельствуют о том, что обеспокоенность, выраженная Комитетом, сохраняет свою актуальность³⁴.

7.8 В данном случае Комитет принимает к сведению аргументы заявителя о грозящей ему опасности преследования за политическую деятельность в связи с тем, что его относят к числу участников движения «Хизмет», которое считается виновным в совершении в июле 2016 года попытки государственного переворота. Комитет отмечает, что, согласно его докладу за 2018 год, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека получило доступ к достоверной информации о применении пыток и жестоком обращении во время досудебного содержания под стражей в рамках мер реагирования турецких властей на попытку государственного переворота, предпринятую в июле 2016 года³⁵. В вышеупомянутом докладе УВКПЧ утверждает, что оно документально зафиксировало случаи применения различных форм пыток и неправомерного обращения в местах содержания под стражей, включая избияния, угрозы сексуального насилия, применение сексуального насилия и электрошоковых устройств, а также имитацию утопления. Эти акты пыток, как правило, были направлены на получение

³² Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 года.

³³ https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CAT/Shared%20Documents/TUR/INT_CAT_FUL_TUR_25040_E.pdf.

³⁴ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 года; там же, *Report on the human rights situation in South-East Turkey: July 2015 to December 2016* (Доклад о положении в области прав человека в юго-восточной Турции: июль 2015 года – декабрь 2016 года), февраль 2017 года; и A/HRC/37/50/Add.1.

³⁵ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 года, пункт 7.

признательных показаний или принуждение к доносу на других лиц в рамках расследования фактов, связанных с попыткой государственного переворота³⁶. В своем докладе о миссии в Турцию Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания отмечает, что после попытки государственного переворота применение пыток получило широкое распространение³⁷. Специальный докладчик также сообщает, что число расследований и судебных преследований в связи с сообщениями о пытках или жестоком обращении незначительно по сравнению с предполагаемым числом таких нарушений, что свидетельствует о недостаточном стремлении турецких властей расследовать такие сообщения³⁸.

7.9 В отношении непосредственного воздействия чрезвычайного положения, введенного 20 июля 2016 года, Комитет принимает к сведению обеспокоенность Управления Верховного комиссара по правам человека по поводу негативного воздействия принятых мер на защиту от пыток и жестокого обращения. В частности, УВКПЧ упоминает ограничения, которые могут быть наложены на общение между задержанными и их адвокатами, продление максимального срока содержания под стражей в полиции, закрытие некоторых независимых механизмов по предупреждению пыток и неправомерное использование досудебного содержания под стражей³⁹. После неоднократного продления чрезвычайного положения турецкими властями оно было официально отменено 19 июля 2018 года. В письме от 8 августа 2018 года турецкие власти проинформировали Совет Европы о том, что чрезвычайное положение завершилось 19 июля 2018 года, когда истек срок, установленный решением № 1182, и что в этой связи правительство Турецкой Республики приняло решение отозвать уведомление об отступлении от положений Европейской конвенции по правам человека⁴⁰. Однако был принят ряд законодательных мер, продлевающих действие ограничительных мер, принятых во время чрезвычайного положения, таких как возможность продления срока содержания под стражей в полиции до 12 суток⁴¹.

7.10 В отношении дела заявителя Комитет отмечает, что при принятии положительного решения о выдаче Кассационный суд не провел никакой оценки риска применения к заявителю пыток в результате такой выдачи с учетом сложившейся в Турции ситуации после попытки государственного переворота, предпринятой в июле 2016 года, в частности с учетом положения лиц, которые, как и заявитель, реально или предположительно принадлежат к движению «Хизмет». Комитет отмечает, что власти государства-участника ограничились констатацией того, что просьба турецких властей о выдаче заявителя соответствовала по форме и существу Конвенции о взаимной правовой помощи, которая была заключена этими двумя странами 15 мая 1989 года и предшествовала ратификации Конвенции государством-участником 21 июня 1993 года, и что ими не была проведена предусмотренная статьей 3 Конвенции оценка риска применения к заявителю пыток в случае его выдачи в Турцию. Комитет напоминает, что основной целью Конвенции является предупреждение пыток⁴².

7.11 В свете вышеизложенного и с учетом предполагаемого или фактического членства заявителя в движении «Хизмет» Комитет считает, что именно государству-

³⁶ Там же, пункт 77.

³⁷ A/HRC/37/50/Add.1, пункт 26.

³⁸ Там же, пункты 70–73.

³⁹ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 года, пункт 83.

⁴⁰ Conseil de l'Europe, Réserves et Déclarations pour le traité no 005 – Convention de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales, 12 juin 2019. Размещены по адресу <http://www.coe.int/fr/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/005/declarations>.

⁴¹ Human Rights Watch, «Turkey: Events of 2018». Размещено по адресу <http://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/turkey>.

⁴² *Алан против Швейцарии* (CAT/C/16/D/21/1995), пункт 11.5.

участнику надлежало провести индивидуальную оценку личной и реальной опасности, которой заявитель может подвергнуться в Турции, принимая во внимание, в частности, документально подтвержденное обращение турецких властей с лицами, связанными с этим движением, а не полагаясь на то, что просьба о выдаче была направлена на основании соглашения между обоими странами и что вменяемые заявителю преступления являются общеуголовными преступлениями, наказание за которые предусматривается и законодательством Марокко. Комитет также считает, что в статье 721 Уголовно-процессуального кодекса Марокко не содержится конкретного упоминания об опасности применения пыток и жестокого обращения в случае выдачи, а упоминается лишь опасность ухудшения личного положения лица, в отношении которого была запрошена выдача по какой-бы то ни было причине, связанной с его расой, религией, гражданством или политическими убеждениями, в случае если преступление, в связи с которым она запрашивается, квалифицируется государством-участником как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением⁴³. В данном случае с учетом оценки, проведенной Кассационным судом, который уполномочен выносить решения по вопросу о выдаче, Комитет не может сделать вывод о том, что этот суд рассмотрел аргументы о наличии в настоящее время для заявителя предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам в случае его выдачи Турции⁴⁴.

8. Таким образом, Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, делает вывод о том, что выдача заявителя Турции будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции.

9. Комитет считает, что⁴⁵ в соответствии со статьей 3 Конвенции государство-участник обязано:

а) воздержаться от экстрадиции заявителя в Турцию и рассмотреть запрос о его выдаче с учетом его договорных обязательств. Поскольку он находится в предварительном заключении более двух лет, государство-участник также обязано освободить заявителя⁴⁶;

б) обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем путем проведения индивидуальной оценки реальной опасности применения пыток и жестокого обращения, в том числе с учетом общего положения в области прав человека в стране возвращения, при рассмотрении каждого запроса о выдаче в рамках соглашения о выдаче или процедуры выдачи.

10. Согласно пункту 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения проинформировать его о мерах, принятых им в соответствии с вышеизложенными замечаниями.

⁴³ См. сноску 13.

⁴⁴ *Эрдоган против Марокко*, пункт 9.11; *Ендер против Марокко* (CAT/C/66/D/845/2017), пункт 7.11; и *Айден против Марокко* (CAT/C/66/D/846/2017), пункт 8.11.

⁴⁵ *Эрдоган против Марокко*, пункт 11; *Ендер против Марокко*, пункт 9; и *Айден против Марокко*, пункт 10.

⁴⁶ *Аль-Хадже Али против Марокко*, пункт 9.